

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-28-35

И. А. Исаев

Московский государственный юридический университет

им. О. Е. Кутафина,

Москва, Российская Федерация,

iaisaev@msal.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: СУВЕРЕНИТЕТ, ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ, ИМПЕРИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные закономерности перехода европейских государств от феодальной дуалистической формы государственности, происходившей из Средневековья, к бюрократической форме, господствовавшей в Новое время. На основе анализа доктринальной литературы показано развитие политико-правовых представлений в Европе по вопросам, касающимся идеи империи, ее взаимосвязи с суверенитетом и централизацией государства. Сделан вывод, что общеевропейской тенденцией с XVII в. стало рождение особого типа бюрократических империй, в итоге сама империя как символ приобрела совсем другое содержание, чем прежде.

Ключевые слова: государство; суверенитет; империя; бюрократия; легальность; власть; управление; кодификация; норма; бюрократия.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-28-35

I. A. Isaev

Kutafin Moscow State Law University,

Moscow, Russian Federation,

iaisaev@msal.ru

TRANSFORMATION OF THE STATE IDEA AT THE TURN OF MODERN TIMES: SOVEREIGNTY, CENTRALIZATION, EMPIRE

Abstract. The article examines the main patterns of the transition of European states from the feudal dualistic form of statehood that originated in the Middle Ages to the bureaucratic form that has become dominant in Modern times. Based on the analysis of the doctrinal literature, the development of political and legal ideas in Europe on issues related to the idea of empire, its relationship with the sovereignty and centralization of the state is shown. It is concluded that the pan-European trend since the 17th century. A special type of bureaucratic empires is emerging, and as a result, the empire itself as a symbol has acquired a completely different content than before.

Keywords: state; sovereignty; empire; bureaucracy; legality; power; governance; codification; norm; bureaucracy.

Новое время для Европы начиналось с преодоления состояния аморфности и неопределенности. Питирим Сорокин этот переходный этап от «идеационной» культуры к «чувственной» характеризует как время, наиболее беспорядочное и лишенное целевых устремлений со стороны государственных привилегий [7, с. 45]. Ф. Гизо рисовал сходную картину: «Замешательство растет непрерывно, без видимых и необходимых причин; движения лишены всякой цели; волнения остаются без последствий; королевская власть, духовенство, дворянство, среднее сословие — все элементы общественного быта вращаются как бы в одном и том же круге, равно неспособные ни к прогрессу, ни к покою» [4, с. 186]. Таким представляется исторический период с XIII до XV в.

Последующее историческое развитие рождающейся новой Европы продемонстрировало необходимость воссоздания более четкой организации власти на основе тех государственных образований, что выросли на развалинах Римской империи. Идея империи оказалась более устойчивой и живучей, чем ее исторический носитель. Империя уже имела свои проверенные временем государственные механизмы, которые могли быть использованы в строительстве нового политического образования. Еще в эпоху Августа и Диоклетиана, одновременно с развитием законодательства, сформировалась бюрократическая система «административного деспотизма, которая покрыла римский мир сетью чиновников, иерархически подчиненных друг другу» и «предназначенных исключительно для осуществления предначертаний верховной власти» [4, с. 45–46]. С ее помощью удавалось соединить и удержать во взаимной связи отдельные элементы обширного римского мира. Этому способствовали и теократические устремления церкви, которая получила важную роль в деле государственного строительства в мире, где вырастала новая цивилизация. На первом этапе послеримское общество вышло из хаоса, приобретая новые политические формы и принципы. Начиная с XII в. эти формы и принципы испытывают свои силы, еще не имея возможности «произвести что-либо общее, правильное, прочное» [4, с. 187]. Так продолжается вплоть до XVI в. И только после этого можно говорить о приобретении Европой окончательной формы и направления развития на пути к определенной цели. Начавшаяся эпоха продлится вплоть до Новейшего времени [4, с. 187]. На этом этапе опыт государственного строительства Древнего Рима и Византии отказался бесценным.

Основной политической идеей Рима было не столько расширение властного пространства, сколько его концентрация. Исторические события вынуждали Рим распространяться вокруг прочного центра, сохраняя «суровое самообладание и самоограничение: в этом тайна римской силы, в этом проявил себя Рим как истинно политическая нация» [9, с. 103].

Византийская империя и ее императоры создали понятие римской церкви [9, с. 104]. Вместо политического принципа выступил принцип религиозный, и если первый был по природе ограничен, то последний — безграничен. Если политика здесь представляла собой организм, а церковь — властную идею

универсальности, то из такой идеи империи, естественно, выростала идея теократии.

Рим и Византия, желая господствовать в одной и той же сфере, одинаково выстраивали свой идеальный порядок. Но если Рим претендовал на владычество, он думал о том, что возводит здания, куда будет включена и Византия, «перетолковывая чуждые понятия на свой лад» [8, с. 137]. Кодификации восточной империи существенно меняли классический характер римского права, приспособляя его нормы к новому времени и условиям. Теократический принцип включал имперскую идею.

В теократическом государстве иерархический принцип всегда первичен. В то же время в христианском государстве, где религия обеспечивает универсальность и могущество власти, глава иерархии воспринимает свою должность понтифика как императорскую. Религиозный идеал универсальной монархии, пришедший из Античности в Средневековье, представлял монархию нового Рима уже не просто как светскую политику, но как Священную Римскую империю.

Идея римской универсальной монархии и римской универсальной церкви была давно направлена на утверждение своей высшей безграничности. Но «как только проводится резкая внешняя граница, проявляется и тенденция к внутренней безграничности. Истинная нация никогда не подчинится империи... Всякое членение, которое создает внешние границы, угрожает безграничному целому, потому что оно создает личность» [9, с. 115]. Национализм становился реальной угрозой универсализму. Стремление к высшей безграничности, чему-то абсолютному и вечному неизбежно порождает внутреннюю ограниченность, иначе любой успех исключен. Римско-католическая церковь, претендуя на роль «мирового правительства» на этом пути, утратила свой сугубо духовный путь. Приобретая черты светской государственности, она хотела включить в сферу своей власти и юрисдикции все государственные институты и связи. В идеале должна была возникнуть только одна монархия — Церковь, земная и одновременно надмирная империя. И поскольку идея этой империи оставалась полностью теократической, высшая власть в ней должна была постепенно перейти от короля к понтифику.

В течение трех веков христианство пыталось внедрить в устройство империи религиозный элемент. Церковная власть постепенно лишала власть королевскую присущий ей прежде образ земного Божества. В результате этих усилий королевская власть стала рассматриваться с другой стороны, чем прежде. «Происхождение ее не на земле; государь уже не представитель общественной верховной власти: он образ Божий, представитель, посланник Божества. Власть нисходит к нему сверху вниз, между тем как в императорской монархии власть восходила снизу вверх» [4, с. 214–215]. С принципом религиозной королевской власти идея светских политических гарантий не играла уже главной роли, «на смену приходил другой принцип — более возвышенный, благотворный и нравственный» [4, с. 215]. Со времени Константина Великого он становится определяющим.

Временный характер существования мирского государства в идеале предполагал его включение в сферу церковной государственности наместника Божия (папы римского). Но и это правительство представляло собой только некую переходную форму от безбожного мирского государства к небесному царству нового мира. «Церковное царство» составляло посредствующее государство Божие, «низшее царство небесное». Августинова модель «двух Градов» получила здесь новую интерпретацию.

«Идея сверхчувственного государства Божия, осуществленная в Церкви, была возведена в общий закон мирских отношений» [11, с. 289]. Устройство небесного царства, выраженное в этом государстве Божиим, было взято за образец человеческого устройства [11, с. 289].

Пример византийской имперской идеи показывает более сложные пути идейного институционального примирения («симфонии») принципов универсализма и национализма.

Византия с готовностью возвращалась или продолжала возвращаться к имперской идее. Суверен властвует над мирским царством, и его формальное право выглядит универсальным: оно распространяется даже на те народы, которые в действительности обладают независимыми правами, не подчиненными идеальной имперской власти, на «варваров», правящих «несправедливо», не имеющих ни настоящего закона, ни духовных основ, отражающих божественный закон. «Поэтому имперская вселенная объединяет в себе категорию "благоденствия", так же как и права в высшем смысле этого слова» [10, с. 53] (но и Данте считал основой императорской власти общечеловеческое право [5, с. 121]).

Превосходство институции империи над личностью (короля) прослеживается еще в эпоху Средневековья и со временем только усиливается. Закон империи как правовое установление предшествует тому, кто его осуществляет: ведь этот последний предназначен для юрисдикции, а не наоборот. Но «империя есть правовое установление, охватывающее всю область светского права; следовательно, она предшествует тому, кто осуществляет ее власть, то есть императору, ибо он предназначен для нее, а не наоборот» [5, с. 122]. Поэтому «император в той мере, в какой он является императором, изменять установленный правопорядок не может, ибо от империи получает он свою власть» [5, с. 122].

«Юридический принцип опирается на типично династическое понимание короны как принципа суверенности, которая ставится выше персоны короля. Начиная с XIV в. это абстрактное слово обозначает королевские владения... через идею короны и новое толкование идеи дома, превосходящего своих членов, проводится понимание автономной инстанции, независимой от личности короля» [2, с. 264–265]. Особый колорит этой трансформации придавал возникший рядом образ «мистического государства» по типу церкви [2, с. 265].

В Византии православие заменяло собой национальность и это позволяло империи оставаться унитарным государством. Из древнеримской традиции был воспринят принцип *impegium* — единства власти. В Византийском государстве он неожиданным образом усиливается в связи с неопределенностью,

формальной и юридической, полномочий императора, которые определялись не юридической формулой, а практикой как церковной, так и государственной деятельности. В императоре сосредоточивалась и олицетворялась вся полнота власти — духовной и светской. Авторитет власти и иерархия были конституирующими принципами империи.

Даже церковные соборы выполняли роль государственных учреждений, органов императора. Христианизация языческих институтов и правовых форм позволила использовать их в качестве инструментов империи [3, с. 242]. Особую роль в этом процессе играло римское право, легализовавшее христианскую общинную практику и ряд древних, в том числе языческих обычаев. «Симфония» властей в Византии отразила целый ряд особенностей центральной власти империи: утверждение единства и неопределенность формальных границ власти, состояние духовных и светских элементов в некоем динамическом синтезе властей, сочетание традиционных начал властвования и новых специфических черт его реализации («цезарепапизм», особый порядок передачи власти, слияние идеологических и административных начал управления и пр.), что обусловило способность Византийской империи к длительному и эффективному существованию.

В средневековом государстве сформировались идеи, институции, аппарат, которые в своем функционировании и создавали империю. Но только когда государственные образования этой эпохи стали связывать свое существование с определенной территорией, посредством развития феодальных, ленных отношений, и властные функции сращивались с поземельными отношениями, и когда произошло религиозное размежевание отдельных территориальных пространств Европы, тогда рождались нации и сама Европа как некая геополитическая реальность. И тогда империя как символ и как идея меняет свое содержание.

Пробуждение национального самосознания и деятельность ученых юристов, выведших из римского права принципы государственной власти, породили мысль о том, что именно «король был настоящим императором на своей земле и даже более почитаемым, чем император Священной Римской империи германской нации» [6, с. 158]. Божественное право королей оспорили многочисленные религиозные войны. Король был сувереном и гарантом защиты нации. Священная природа королей, постоянно утверждаемая церковью, делала монархию «мистической идеей» [6, с. 160].

Церковь и империя, как и многие другие средневековые «политические тела», воспринимались как части единого универсального союза, христианского царства — Церкви, мистического тела Христова. В каком-то смысле церковь являлась настоящим государством, рассеянным среди всех государств. Империя же оставалась только «великим притязанием» [1, с. 100].

Под законом «империи» церковь и феодалы заключили соглашение о своем союзе. Но империя Карла Великого была столь же эфемерным созданием, как и рожденная в то время Священная Римская империя. Империя как символ и институт долго сохраняла свое значение в переходный период истории от Средневековья к Новому времени.

Эсхатологическая схема Иоахима Флорского уже в Средневековье изменила исторические и политические установки общества, ориентированные на возможное скорое завершение земной истории. Препятствием на этом нисходящем пути служил катехон, фактор одновременно небесного и земного порядков, который был способен затормозить и отсрочить конец земного мира. С началом Нового времени эсхатологические ожидания постепенно сменялись новой идеей спасения, более секулярной, чем предшествующие ей ожидания, — идеей прогресса. Однако своего апогея эта идея достигает только к концу XVIII в. под мощным влиянием просвещенческих концепций. Идея самоутверждения человечества в истории и возможность строить ее по своему разумению уже не нуждалась в концепции конца этой истории и значительно снижала напряженность эсхатологического ожидания. Спасение теперь могло принимать новые формы. Прогресс в его рациональном толковании (уже никак независимо от человека Провидение) стал и оправданием истории: познать можно лишь то, что создается самими людьми (Джамбаттиста Вико).

Национальное государство поствестфальского периода, как настоящее «произведение политического искусства», уверенно позиционировало себя в качестве единственного охранителя и заступника жизни своих подданных. Взамен требовалось повиновение, суверен (единоличный или коллективный) требовал централизации и авторитаризма. Архаичная система папства, модель которой была заимствована средневековым государством у раннехристианской общины и обусловлена церковным и каноническим влиянием, уступала место авторитарной власти суверена.

Наряду с отношениями личной преданности и службы поземельные феодальные отношения укрепляли отношения зависимости. Вместе с тем ленные отношения, которые поначалу император принимал от церкви, уже при наследниках Карла Великого прекращались и заменялись договором о защите церкви императорской властью, что явно снижало зависимость последней от духовного центра и вело к дальнейшей ее секуляризации (ярким примером развивающегося противостояния империи и церкви стала борьба за инвеституру между Генрихом IV и Григорием VII). Идейно же обе «империи», земная и духовная, претендовали на мировые, пусть даже трансземельные, власть и правление.

Реальная же государственная политика империи, которая была не в силах осуществить свой вселенский идеал, приводила к появлению все усиливающейся ленной аристократии и установлению ее наследственных прав. Процесс феодальной раздробленности приводил повсеместно к замене верховной (правда, с самого начала вполне условной и символической) власти короны властью земельной аристократии, имевшей частнопредварительный характер. С этого момента личное наследственное право становилось главным основанием для пользования и государственными верховными правами [11, с. 344–349].

Универсальная форма монархии, тесно связанная с символом империи, гарантировала гибкость этого учреждения, способность его видоизменения применительно к разным условиям. Форма учреждения оставалась неизменной

и могла усваиваться разными средствами. Сама королевская власть становилась олицетворением правовой державности, верховной власти по праву. Оценивая эту последнюю, «люди склонялись на сторону королевской власти. Когда перевес принадлежал религиозным идеям, постоянное размышление о Боге, о божественных свойствах приводило людей к монархической системе. Когда в обществе преобладали юристы, привычка изучать под именем законов сущность правомерной верховной власти благоприятствовала развитию учения об олицетворении этой власти в королевском сане» [4, с. 210–211].

Королевская власть на протяжении истории меняла свои формы и символы. Духовенство постоянно проповедовало религиозную королевскую власть, юристы (легисты) предпринимали усилия по воскрешению императорской монархии, активно используя для этого имевшийся инструментарий римского права, дворянство стремилось к восстановлению избирательных начал феодальной королевской власти. «Короли называли себя то посланными от Бога, то наследниками императоров, то первыми дворянами страны, смотря по надобности или по духу времени» [4, с. 211]. Так, в отличие от других правителей, король будет сочетать в своем статусе суверенитет, предназначенный ему римским правом и легистами, с властью сюзерена со всеми феодальными атрибутами этого статуса.

В будущем династический принцип, способствовавший процессам государственной централизации, уступит место юридическому принципу легитимности, оформившему и закрепившему систему новых институтов и порядков. В качестве «коллективной фикции» институты, поддерживаемые верой, становятся реальностью, неким механизмом, работающим автономно; функция отделяется от человека.

Личная власть короля частично присваивала функции власти общественной. Постепенное становление политического порядка публичной власти, переход от «феодализма к империи» формировали собственно бюрократическую логику властвования, рациональную по форме, а на деле «наделенную самыми загадочными свойствами магической эффективности» [2, с. 281].

Общеввропейской тенденцией с XVII в. становится рождение особого типа бюрократических империй, ведущих между собой «кабинетные войны», режимов с высоким уровнем централизации власти. Для них было характерно функционирование значительного аппарата безличного управления и оторванность политической сферы от иных общественных сфер взаимоотношений. Четкая дифференциация социальных ролей, разрастание бюрократических инстанций и институтов дополнялись новыми структурами легитимной политической борьбы (советами, парламентами). «Парадоксальным образом правящие выходцы из “старого порядка” системы власти, основанного на родстве и харизматических качествах, начинают строить новый бюрократический, анонимный порядок. К власти приходят новые люди, не связанные со старыми политическими принципами, традициями и институтами власти» [2, с. 175–178]. Империя как символ стала обозначать совсем другие отношения и представления, чем те, что были прежде. Но сама идея империи как таковой сохраняется до наших дней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 242 с.
2. Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 2007. 288 с.
3. Величко А. М. Политико-правовые очерки по истории Византийской Империи. М.: ФондИВ, 2008. 242 с.
4. Гизо Ф. П. Г. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 329 с.
5. Данте Алигьери. Монархия. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. 191 с.
6. Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010. 328 с.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.
8. Хильшер Ф. Держава. СПб.: Владимир Даль, 2023. 575 с.
9. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: в 2 т. СПб.: Русский мир, 2012. Т. 2. 478 с.
10. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Прометей, 2016. 476 с.
11. Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. М.: URSS, 2011. 732 с.

References

1. Bitsilli P. M. Elementy srednevekovoj kultury. SPb.: Mifril, 1995. 244 s.
2. Burdie P. Ot «korolevskogo doma» k gosudarstvennomu interesu: model proishozhdenija bjurokraticheskogo polja // Sociologija socialnogo prostranstva. M.: Institut eksperimentalnoj sotsiologii; SPb.: Aletejja, 2007. 288 s.
3. Velichko A. M. Politiko-pravovye ocherki po istorii Vizantijskoj Imperii. M.: FondIV, 2008. 242 s.
4. Gizo F. Istorija civilizacii v Evrope. M.: Territorija budushhego, 2007. 329 s.
5. Dante Aligieri. Monarhija. M.: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 1999. 191 s.
6. Mandru R. Frantsija rannego Novogo vremeni, 1500–1640: esse po istoricheskoi psihologii. M.: Territorija budushhego, 2010. 328 s.
7. Sorokin P. A. Sotsialnaja i kulturnaja dinamika: issled. izm. v bolshih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshhestv. otnoshenij. SPb.: Izd-vo Rus. Hristian. gumanitar. in-ta, 2000. 1054 s.
8. Hilsher F. Derzhava. SPb.: Vladimir Dal, 2023. 575 s.
9. Chamberlen H. S. Osnovaniya devjatnadcato go stoletija: v 2 t. SPb.: Russkij mir, 2012. T. 2. 478 s.
10. Evola Yu. Vosstanie protiv sovremennogo mira. M.: Prometej, 2016. 476 s.
11. Ejken G. Istorija i sistema srednevekovogo mirosozercanija. M.: URSS, 2011. 732 s.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.